

Языковая принадлежность языческого имени хори-бурят Одо / Одой / Отой

DOI 10.31483/r-98501

УДК 39

Жамсаранова Р.Г.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»,
Чита, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-1275-6396>, e-mail: rebeca_zab@mail.ru

Резюме: Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу личных имен до-тибет-монгольского происхождения свода исторического антропонимикона хори-бурят. Целью статьи является введение в научный оборот исторического антропонимикона хори-бурят как одного из монголоязычных народов, выписанных из ревизских описей Государственного архива Забайкальского края за 1850–1851 гг. в аспекте сравнительно-сопоставительного языкознания. Одной из задач данного исследования является определение предварительного значения имен типа Одо / Одой / Отой и, соответственно, возможной языковой принадлежности данных имен. Закономерно решение задачи о «природе» этих имен – заимствования или же антропонимический субстрат. *Материалы и методы исследования.* Антропонимическим материалом являются личные имена с неясной семантикой, выписанные из ревизских описей 11 родов хори-бурят за 1850–1851 гг. Государственного архива Забайкальского края. Известно о сложности этногенеза любого народа, не исключая и хоринских бурят как одного из монгольских народов. Методология исследования основана на сравнительно-сопоставительном методе, компонентном методе и сравнительно-историческом методе. Научная новизна исследования имен исторического антропонимикона очевидна в силу следующих причин: во-первых, введены в научный оборот исторические имена личные, имеющие документальную фиксацию в архивных документах; во-вторых, данные имена до настоящей статьи не изучались на предмет их этноязыковой принадлежности; в-третьих, предварительные результаты значения этих имен, а главное, их этноязыковой принадлежности, имеют безусловную перспективность развития многих гуманитарных наук, прежде всего, сибирской ономастики, в русле контрастивистики и компаративистики.

Ключевые слова: личные имена Одо / Одой / Отой, хори-буряты, ревизские описи 1850–1851 гг, антропонимический субстрат, до-тибет-монгольские имена бурят.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ №20-012-00335 А «Словарь исторической антропонимии хори-бурят».

Для цитирования: Жамсаранова Р.Г. Языковая принадлежность языческого имени хори-бурят Одо / Одой / Отой // Этническая культура. – 2021. – Т. 3. – С. 24-33. DOI:10.31483/r-98501.

The Linguistic Origin of the Hori-Buryat Pagan Name Odo / Odoy / Otoy

Raisa G. Zhamsaranova

FSBEI of HE "Zabaykalsky State University",
Chita, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-1275-6396>, e-mail: rebeca_zab@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the comparative analysis of personal names of pre-Tibet-Mongolian origin of the corpus of the historical anthroponymicon of the Khor-Buryats. The purpose of the article is to introduce the historical anthroponymicon of the Khor-Buryats as one of the Mongolian-speaking peoples written out from the censuses of the State Archive of the Trans-Baikal Territory for 1850–1851 in the aspect of comparative linguistics. One of the tasks of this study is to determine the preliminary meaning of names like Odo / Odoy / Otoy and, accordingly, the possible linguistic origin of these names. *Materials and methods of research.* The anthroponymic material is personal names with unclear semantics, written out from the censuses of 11 Khor-Buryat kins for 1850–1851 from the documents of State Archive of the Trans-Baikal Territory. It is known about the complexity of the ethnogenesis of any people, not excluding the Khorin Buryats as one of the Mongolian peoples. Historical anthroponyms of any ethnic group with an adequate «deciphering» of their meaning can serve as a kind of proof of the hypothetical participation of different tribal communities of the historical past, both in language and in their ethnicity, and of the peoples and territories of their modern habitat. The research methodology is based on the comparative method, the component method, and the comparative-historical method. The scientific *novelty* of the study of the names of the historical anthroponymicon is obvious for the following reasons: firstly, historical personal names that have been documented in archival documents have been introduced into scientific circulation; secondly, these names have not been studied for their ethnolinguistic before this article; thirdly, the preliminary results of the meaning of these names, and most importantly, their linguistic origin, have an absolute perspective for the development of many humanities, primarily Siberian onomastics, in the context of contrastivistics and comparative studies.

Keywords: personal names Odo / Odoy / Otoy, Khor-Buryat, census of 1850–1851, anthroponymic substrate, pre-Tibet-Mongolian names of the Buryats.

Funding: the research was carried out with the financial support of the RFBR grant No. 20-012-00335 A "Dictionary of Historical Anthroponymy of the Khor-Buryats".

For citation: Zhamsaranova R.G. (2021). The Linguistic Origin of the Hori-Buryat Pagan Name Odo / Odoy / Otoy. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(2), 24-33. (in Russ.). DOI:10.31483/r-98501.

Введение

Историческая антропонимия – это особый пласт или свод личных имен любого народа, который как лакмусовая бумага «проявляет» сложность этнического антropонимикона.

Во-первых, антропонимия является наиболее подвижным слоем ономастического континуума в отличие от других классов – топонимии и этнонимии. Во-вторых, заимствования в антропонимии играют не-

маловажное значение и обусловлены, в основном, культурно-религиозными факторами. К примеру, к разряду заимствованной антропонимии у бурят может пониматься, в первую очередь, тибет-монгольская антропонимия [22, с. 4]. У западной группы бурят, которые не подверглись обращению в ламаизм, сохранились их традиционные личные имена [30], помимо их христианских имен типа Иванов, Николаев, Сидоров и проч. У восточной группы бурят, хори-бурят, функционирует система тибет-монгольских имен, т.к. народность избежала христианизации, т.е. обращения их в православие при русской колонизации XVII-XIX вв. В-третьих, в любой исторической антропонимии любого народа сохраняется и функционально значима система т.н. «языческих» или традиционных личных имен, представляя весьма ценный ономастический материал.

Известно, что начиная с XVI века автохтонное население изучаемой территории (Западное и Восточное Забайкалье) стало исповедывать северный буддизм (ламаизм), в результате которого языческий именник плавно сменился, в основном, на тибет-монгольские имена. В ревизских описях «бурят-инородцев»¹ особую ономастическую ценность имеют имена до-тибет-монгольские, и именно свод этих имен, представляя собой антропонимический субстрат, способен верифицировать гипотезу этноязыкового субстрата в этногенезе хори-бурят.

Анализ свода исторической антропонимии хори-бурят, как восточной группы бурят, этногенез которой, как и западной группы – эхэритов и булагатов исследован не в полной мере, показал наличие т.н. «языческих» имен. Основу современного антропонимикона хори-бурят [17] и калмыков составляют имена тибетского происхождения.

Материал и методология

Антропонимическим материалом для исследования послужили следующие имена: Одой, Одомаевь / Одомай (Зун-Хоацайский род), Одой, Одбаевь и Одаху (Барун-Хоацайский род), Адаповь, Одопова (Зунь-Харганатский род), Одой, Оду (более 10 ед.), Одуевь и Оедуева (Бодонгутский род), Отой, Одоровь (сводный Батанайский и Шарайтский род), Одопова (Зун-Харганатский род),

¹ Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК). Фонд 29. Оп. 1. Д. 6. 719 л. «Книги указов Его Императорского Величества. Ведомости о сборе денег с тунгусов. Сведения об избрании в Урульгинскую инородную управу должностных лиц. Докладные регистры для регистрации входящей корреспонденции. 1830 г.»; Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 10. Оп. 1. Д. 17598. 979 л «Перепись инородцев Нерчинского округа Ревизская сказка 1850 г. декабря 20 дня Иркутской губернии Нерчинского округа ведения Цугольской инородной управы о состоящих мужского и женского числа душ Кочевых инородцев Зун-Хоацайского рода»; Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. 1107 л. «Кужертаевская: налоговые документы. Сведения о родившихся и умерших. Материалы об избрании заседателей в думу. Ведомости об оспопрививании, состоянии хлебозапасных магазинов, взыскание долгов. Материалы по уголовным преступлениям».

Отба, Одомоль, Одомаловь и Одоноевь (Кубдутский род), Одонь, Одбо, Одаевь (Саганский род), Одо, Одановь (Галзутский род) [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17598. 979 л.]. В таких родах, как Хальбинский, Барун-Харганатский мы не обнаружили личных имен с данной основой как Одо / Одой / Отой. В ревизской описи Саганского рода хори-бурят за 1830–1831 гг. в посемейном составе за номером 132 мы обнаружили «Богадай Оодуевь, 33 года, в 1824 г. помер и по указу в 1830 изключен из окладу податей», а также имена его брата и его сына – Вашир Оодуевь (31 год по переписи 1823 г., 39 лет на момент переписи), сын «ево Санжи». В другой семье «Жаргаланту Доноева (38 лет – в 1828 году помер и изключен из окладу» один из его троих сыновей записан под именем Одон (7–15 лет) [ГАЗК. Ф. 284. Оп. 1. Д. 50. Л. 341 об.].

Важно отметить то, что в ревизской сказке Саганского рода обнаружено много (до 7 ед.) имен Одон, и почти все из которых с пометой «новорожденный», т.е. до 7 лет или чуть постарше (с которых нельзя было взять ясак) [(ГАЗК. Ф. 284. Оп. 1. Д. 50. Л. 341 об.) Одон (н/в) Л.347 об.; Одон (5 л.) Л. 348; Одон 7л, н/в. Л. 348 об.; Одон (н/в); Л. 349 об.; Одон (7 лет по ревизии 1823 г. – 18 лет) Л. 355 об.; Одон (5 лет, н/в) Л. 355 об.]. Можно предположить, что новомодное имя Одон могло образоваться на монголоязычной почве от архайического Оодой или Одой, значение которого утратилось. Мы склоняемся к предположению о том, что эти имена Одой, Ооду(-евь) и «модное» Одон могут представлять собой изолексы.

Личные имена типа Одо / Одой / Отой, как и производных от этих имен – Одаевь, Оодуевь, Одуевь, Одбоевь, Одомаевь, Одоровь, Одопова, Одановь, Одомаловь являются именами субстратного, т.е. «татарского» (а не монгольского) происхождения. Их субстратное начало (не исключая и заимствование) очевидно в силу разных причин. Во-первых, антропонимия как наиболее подвижный ономастический класс обусловлена проблемой «разграничения» субстрата и заимствования. «В этом плане особенно велико значение антропонимии эпохи язычества, которую с полным правом и образно можно назвать археологией современного языкоизнания» [34; 35, с. 8]. Во-вторых, под названием «татары» была известна большая часть той кочевой силы, которая двинулась с востока на запад в IX–XII века. Известно, что территория Восточного Забайкалья входила в ойкумену многих кочевых империй и конфедераций, в том числе Дулу и Дулга как тюркоязычных союзов эпохи Средневековья Центральной Азии. Поэтому пресловутое татаро-монгольское иго на Руси представляло собой и колонизационный процесс, и трансконтинентальное перемещение племенных объединений, разных народов в эпоху Великого переселения. В-третьих, следует учитывать разноплеменность монголов, особенно в свете

предлагаемой этимологии этнонима Монгол как *teäng* ‘волк’ из койбальского языка [13, pp. 1127–1140]. Этот апеллятив мы обнаружили в словаре койбальского языка, составленного А.М. Кастреном [37]. Койбальский язык это один из вымерших южно-самодийских языков, однако в современном хакасском языке зафиксирован койбальский говор. Региональная ономастика, в первую очередь, субстратная топонимия Восточного Забайкалья имеет наличие самоедоязычной топонимии наряду с иным, более глубинным адстратом.

В документе от 1830 года имеются расписки родовых старшин с печатями о сданных податях. «Рапорты старост родов, внесших деньги. Кельтегирского – Никон Степанов. Мунгальского – Роман Яковлев. Телембинского – Егор Александров. Еравнинских – Осип Минин. Князе-Дулигатского – Ларион Яковлев. Дулигатско-домуева – Балдан Бакинчу. Бродячих оленных орочонов Бултегерского рода старшина Букачи...» [ГАЗК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 6. Л. 42]. Среди родовых названий селькупов (одного из южно-самодийских народов) имеется геноним Мунгальский, материально совпадая с этнонимом Монгол.

При этом мощный пласт ономастики Забайкалья связан именно с тюркским субстратом. Тюркоязычное начало субстратной ономастики Восточного Забайкалья связано именно с «татарами», которых делили на белых и черных [8, с. 77]. Известно тюркское начало многих известных русских фамилий [2]. И под этими загадочными татарами «скрывались» многие племена эпохи Средневековья истории региона. Пока однозначно только то, что в пост-монгольское время эти татары, после распада монгольской империи, были записаны как тунгусы Нерчинского уезда. Среди 34 генонимных названий имеется геноним Вакаройский (в некоторых документах Вакасильский), который по своему значению сопоставим, к примеру, с чувашским апеллятивом *вăkăр* ‘бык’ и сопоставимый с фамилией забайкальцев – Вакарин(ы). Тунгусское население Нерчинского уезда к ревизии 1858 г. было почти полностью приведено в православие, что очевидно по анализу исторической антропонимии тунгусов князя Гантимура [12, с. 142–150; 14, с. 123–129; 15].

В этом разрезе перспективно исследование исторической антропонимии как хори-бурят, так и тунгусов Нерчинска, под которыми ошибочно понимают только этнических эвенков. Анализ родового состава тунгусов Гантимура показал, что приписаным к Урульгинской степной думе, куда относились все тунгусские роды Нерчинска, был и такой род как Бултегерский, состоявший по ревизии 1858 г. только из 24 душ бродячих инородцев как этнических эвенков, судя по их антропонимии. На основании этого мы полагаем, что все остальное население, записанное в ревизиях с 1763 по 1858 гг. Урульгинской степной думы, имеет совершенно не тунгусо-маньчжурское этническое начало, а иное и связанное с какими-то уральскими языками (помимо алтайских) [16], включая самодийские.

Наше внимание привлекло имя Одонь (Саганский род 1851 г.) или Одоновъ как дериват от Одонь (Кубдутский род, 1850 г.). Данное имя – Одо, как современное этническое личное имя в монгольских языках этимологизируют от апеллятива *одо(н)* ‘звезда’ [4, с. 350], монгольского *од(он)* ‘звезда’ [24, с. 293]. Однако выписанные языческие имена – это имена «души мужского полу»: «Одонь Гомбуевъ а по крещению Андрей Григорьев Чистохин [ГАЗК. Ф. 1о, Оп. 1. Д. 17598]», что подтверждает невозможность присвоения имени Одонь ‘звезда’ мужчине.

В современном бурятском именнике появилось женское имя – Одона, которое более приемлемо по отношению к женскому (девичьему) имени, нежели мужскому имени типа Одонь 1851 г.

Мужские имена у тюрков, монголов изначально имели т.н. «сильную» семантику. К примеру, родоплеменное имя Борджигин от монгольского боржин ‘гранит; гранитный’ [24, с. 77], рефлексом которого можно считать ойконимы Боржигантай (Могойтуйский р-он), Борзя, Талман-Борзя, Средняя Борзя, Верхняя Борзя, Савво-Борзя, Онон-Борзя, расположенные в долинах рек Борзя, Средняя Борзя бассейна реки Онон. Или личные имена как Булат от апеллятива булад ‘сталь; поэт. булат; стальной’ [4, с. 110], Тамир от тамир ‘сила; энергия; здоровье’ [4, с. 412] и подобные этим имена всегда считались мужскими именами традиционного монгольского и бурятского именника. Заметим, что исследователи чувашской дохристианской антропонимии относят чувашские имена с такой же «сильной» семантикой к древнетюркскому (VI–X вв.) [33, с. 69] и которые обусловлены тенгрианством как общемировоззренческой установкой тюркских и монгольских народов.

Отличным от значений этих имен является значение имени Одой (или Отой), как окказионально возникшего значения новой формы имени как Одонь (Одо + -нь). Имя Одо+нь, в свою очередь возникло от исходного Одо, Одой, Отой «путём объединения элементов двух выражений или форм, чем-нибудь сходных, <...> как смешение формы и изменения вследствие этого и значения, иногда – под влиянием народной этимологии» [10, с. 5]. Полагаем о «наложении» нового смысла имени на форму «языческого», т.е. до-тибет-монгольского имени как пример семантической контаминации. Подобное явление возможно при случае заимствования имени, прежде всего, иноязычного (в смысле – иноплеменного) имени.

Особенность значений личных имен, особенно архаичных, заключается в изменении их исходного значения посредством контаминации. Во-первых, в значении языческой антропонимии как происходят изменения в качестве особого явления, особенно при возникновении или нового «имени», или «нового» значения имени. «Контаминация – универсальный для разных языков и их единиц, обладающих структур-

ной организацией (слов, словоформ, фразеологизмов, синтаксических конструкций, морфологических парадигм), принцип взаимодействия друг с другом единиц одного системного уровня вследствие исторических изменений в языке, а также в результате ошибочного употребления или сознательного преобразования исходных единиц с целью языковой игры или создания стилистического приема» [10, с. 8–9]. В нашем случае некое заимствованное имя вследствие утраты исходного своего значения в «новом» языке, в бурятском, например, «вынуждено» было приспособиться и по своей форме, и по своему значению, что и произошло с именами типа Одонь.

Семантическая контаминация обусловлена историческим фактом перехода народа на иной язык, а значит и утраты исходного значения данного имени. В ономастике часты случаи лексического и семантического переосмыслиния личных имен, которое происходит в большинстве случаев под влиянием языковых единиц или их частей, приводящего к семантическому или формальному изменению этих единиц ассоциативно или функционально [1, с. 206]. Поэтому значение личных имен Одонь, Одоновь, выписанных из ревизской описи хори-бурят разных родов за 1850–1851 гг., обусловлено фактом окказионального словообразования вследствие переосмыслиния и ложной этимологии или семантической контаминации.

В тибет-монгольской антропонимии функционирует личное имя Ойдоп (Ойдопов), которое, полагаем, является производным от тибетского имени Dngos-grub: *Ngoidrub > Oidub > Oidow [38]. Как видно, структурно языческие имена Одо / Одой / Отой хори-бурят отличны от распространенного среди современных бурят личного имени Ойдоп / Ойдопов как тибетского имени, а потому отпадает возможность отнесения имен Одо / Одой / Отой к тибетским.

Во-вторых, в именнике личных имен якутов имеются имена типа «Оттой (Олтуй, Ортой, Ортуй, Оттуй) Никеевъ сынъ», которое, по мнению Ф.Г. Сафронова, по-якутски звучало бы как «Ныхэ уола Оттой» [29, с. 107] и имена Оттю (по-якутски Өттүү), Одон [29, с. 102]. Данное издание также основано на своде выписанных из ревизских сказок личных имен XVII – нач. XIX вв. с авторскими комментариями и где-то с предполагаемым значением имен эвенов, эвенков, юкагиров и якутов. Если полагать, что данное имя Оттой или Оттю является личным именем отгенонимного происхождения, то заметим об отсутствии рода Одо или Одой у якутов (хотя Б.О. Долгих упоминает Одугейскую волость (14 ясачных), Одейскую (вероятно Одайская – пом. Б.О. Долгих) (23 ясачных) и Озейскую (т.е. Одайская – пом. Долгих) (4 ясачных), эвенов и эвенков [5; 9, с. 355]. Связывать личное имя Отой хори-бурят с упомянутыми личными именами якутов можно только в плане лексического заимствования. Или заимствованием из каких-то тюркских языков в

бурятский язык, а не наоборот. Проблематичным остается вопрос об этимологии данного имени Отой. Имена якутов Оттой, Оттю и Одон также «остались» без объяснения. Поэтому можно полагать о том, что имена эти не имеют адекватных семантических пояснений из известных алтайских языков, включая и якутский.

Итак, исключение тибет-монгольского, алтайского (якутского) языкового начала данных имен, позволило, в-третьих, определить архисему значения имен Одо / Одой / Отой в целях определения концептуального значения имени, подтверждая тем самым вероятность их сопоставления. Для сопоставления личных имен хори-бурят с экзоэтническим и структурно, и в плане концептуальной семантики имен Одо / Одой / Отой мы описали апеллятивы монгольских языков: өөд ‘последог 1) вверх, выше, к (в значении вверх)’; 2) нареч. ‘вверх, кверху’; өөд нь ‘вверх, кверху’; өөд нь болгох ‘повышать, поднимать’; 3) подъем; өөд газар ‘подъем (на местности)’ [24, с. 325–326], а также глагольное өөдлөх ‘укрепляться, поправляться, улучшаться; становиться на ноги; приходить в хорошее состояние’ [24, с. 326]; бурятских слов өөдэ нареч. ‘вверх, кверху’; өөдэ болгох ‘поддвигать кверху, поднимать (напр., очки)’; 6) перен. ‘возвеличивать’; өөдэ абаха ‘оказывать уважение’; 2. послелог со знач. ‘вверх (о направлении)’; гол өөдэ үгсэхэ ‘подниматься вверх по реке’; өөдэлхэ ‘идти вверх, подниматься; 2) укрепляться; поправляться, улучшаться; выходить из бедственного положения; приходить в цветущее состояние’ [4, с. 366–367] и т. д. для подтверждения концептуального значения имени Одо / Одой / Отой как «рост вверх; улучшение; подъем». Метод компонентного анализа нарицательной лексик позволяет верифицировать гипотезу концептуального значения имени Одо / Одой / Отой, омонимичного вышеописанной лексике монгольских языков, как положительного, обозначающего подъем вверх, расцвет, т.е. дезидеративности значения.

Известно, что дезидеративность личного имени в монгольской традиции (и не только) имянаречения обусловлена именно семой «роста вверх», понимаемого как «размножения, умножения потомства». Попутно заметим, что у западной группы бурят эхиритов зафиксировано личное имя Үдэг от үдэг ‘пусть размножится’ [30, с. 46], что представляет собой пока единичный пример подобного рода, которое в лексико-семантическом отношении совпадает с именем хори-бурят Одо, Отой или Отой. Любопытно, что значение имени Үдэг (которое можно и записать как Өдэг) практически интерпретировано как пожелательное имя, что, в принципе, и подтверждает концептуальное значение имен хори-бурят Одо / Одой / Отой.

В апеллятивной лексике бурятского языка атрибутивное ута ‘1. длинный; долгий, протяжный; долговя-

зый (о росте)’ [4, с. 479], особенно одно из значений (о долговязом человеке) в плане семы концептуально связано со словами типа ёөдэ *нареч.* ‘вверх, кверху’. Монгольское языковое влияние подмечено нами на примере производного Оодуевъ, которое, будучи записанным изустно, тем не менее, семантически объяснимо от монгольских appellativ ёөдэ *нареч.* ‘вверх, кверху’.

Как отмечает С.Я. Черных, «личные имена рода (как номен тотема) являлись его исключительным, собственным достоянием, и они не могли использоваться членами других родовых объединений» [35, с. 7], что, с другой стороны, как будто исключает заимствованный характер данных имен Одо / Одой / Отой (как мы представили выше).

В случае этого возникает необходимость отнесения данного имени к именам адстратного происхождения. В именнике финно-угорских народов, в частности, марийцев, сохранилось имя Одо, как аллоэтноним вотяков. В качестве предварительной гипотезы мы связываем данные до-тибет-монгольские имена хори-бурят с антропосновой Одо(й)- / Оду-/ Ода- / Ото- с таким этнонимом, точнее с экзоэтнонимом Одо, которым именовали какую-то группу удмуртов соседствующие с ними марийцы. Известны рассказы о поселенцах, их коллективных прозвищах «...в марийской деревне Ювы различают Большие Вотяки и Малые Вотяки (по-марийски соответственно Куту Одо и Изи Одо). Жителей этих околотков зовут Одо, что означает «вотяки». «...часть поселенцев деревни Юва пришло из Вятской губернии, другая из-под города Уфы. Эти выводы подтверждаются архивными документами со ссылкой на материалы Пермского госархива» [18, с. 99–101]. Это значение Одо нашло подтверждение и в работе С.Я. Черных «Одай, Одей: коми од 1. всходы 2. стебель 3. зелень; морд. од 1. новый 2. молодой; мар. одо – этноним удмуртов», где значения концептуально связаны с архаичным мировоззрением уралоязычных племен [34, с. 306; 35, с. 12, 40, 44].

Вотяки или Отяки это прежнее название современных удмуртов, об этиологии которого представлено в трудах С.К. Белых, В.В. Напольских [3], С.К. Бушмакина [6, с. 168] и др. У С.К. Бушмакина дано определение корневого *уд-* этнонима удмурт как «росток», совпадающее с корнем (в)от-як, а также корневого *од-* аллоэтнонима Одо у марийцев.

Обнаружившееся лексическое сходство хори-бурятских имен Одо / Одой / Отой с экзоэтнонимом Одо (< *истор.* «вотяк») может быть определено как изолекс, когда данные имена являются некую лексическую (ономастическую) изоглоссу, которая, как правило, наблюдается в качестве общности между теми языками, которые в свое время имели длительный территориальный контакт, к примеру, образуя урало-алтайский диахронный языковой ареальный союз до-монгольского периода истории Восточного Забайкалья.

Схожее языческое имя, которое и лексически, и семантически связано с хори-бурятским Отой / Одой имеется в уральских языках. К примеру, в Русско-коми-пермяцком словаре помимо лексемы морт ‘человек’, есть слово отир ‘народ’ [26, с. 174, 371], в Коми-пермяцко-русском словаре слова ётіл ‘один’ с производными ётік морт ‘один человек’, ётка ‘один; единственный’, ётка зон ‘единственный сын’ [19, с. 306, 307], где корневое *от-*, значение которого, вероятно, схоже со значением древнего корня *уд-* ‘росток; всходы’ как самоназвание предков удмуртов [27; 28], имеющих в семантическом отношении семы «человек; сын; мужчина; народ». Данное сопоставление обнаруживает древний номинативный принцип имяречения, древнее мировосприятие человека вообще, где гарантией его «роста вверх» является, в первую очередь, наличие потомства, рождение сыновей.

Архаичная антропомодель именования потомства наблюдается в исследованиях по финно-угорским языкам. Так, древняя форма самоназвание удмуртов (*ud<*od*<*ot*), которое русскими усвоено через марийцев: мар. одо-*mari* ‘удмурт’ < из древнеудмуртского *одо-*mari* (*от-*jak* > *от’ак, ср. русск. вотяк, а также: *tul-jak* > *tul’ak* (туляк) ‘житель Тулы’ и т. п.» [25, с. 101], также в семантическом плане рефлексирует со значением древнего корня *уд-* ‘росток; всходы’ (одна из версий этиологии этнонима удмурт) как самоназвание предков удмуртов, в частности, бесермян [21, с. 108–118; 31; 32].

В монгольских языках лексема ёөдэ *нареч.* ‘вверх, кверху’ /бур./ с рядом однокоренных слов разных грамматических классов коррелирует с личным именем Одо / Одой / Отой в плане концептуального дезидеративного значения. Поэтому личное имя Одо и его корреляты представляют собой некий уралоязычный древний адстрат, связанный с эпохой загадочных «татарских» племен Бесүүд, Удуйт-меркитов. Мы располагаем полевыми записями, которые подтверждают о неоднозначности этногенеза хори-бурят. Так, нами записано в 2000 г. сведения о семье, где у одного брата 1939 г.р. личное имя Одон, а фамилия Бояров, тогда как младший брат – Шойжонов Бадма (1942 г.р.) – носитель бурятской фамилии и личного имени тибетского происхождения. Мать этих братьев русская (что можно понимать как то, что ее предки были крещеными тунгусами Гантимура), а отцы были разные. Внешность братьев не совсем бурятская, метисного плана, ближе к европеоидной внешности, т.к. мать считалась русской, при этом владела бурятским языком [Полевые записи автора 2000 г. Записано от Жамсаранова М.Ц., 1943 г. р. (г. Чита)]. Наличие таких имен с затемненной семантикой даже в относительно современном именнике народа свидетельствует о затухающих рефлексах довольно древнего этнического самосознания в историческом антропонимиконе.

Наличие уралоязычного адстрата в ономастической системе Восточного Забайкалья обусловлено невнятностью историографии монгольского этноса и территории

в том числе. Отсутствие толковых и этимологических словарей монгольских языков также представляет собой проблему для исследователей. Мы полагаем, что исторический антропоним Одо / Одой / Отой «остался» с весьма и весьма древнего периода истории Евразии, со времен скифо-сарматского периода. Как пишет Т.И. Тепляшина, предками удмуртов, как и бессермян [31], является условно прaperмский народ, обитавший некогда в соседстве с ираноязычными народами, к которым она относит и скифо-сарматов. Ссылаясь на носителей Ананьинской культурной общности (VII–III вв. до н. э.), под которыми принято понимать прaperмян, т.е. предков современных финно-угорских народов, Т.И. Тепляшина и В.И. Лыткин обращают внимание на их контакты с ираноязычными племенами Скифии. Известно, что иранские слова как заимствования попали в прaperмский язык из разных иранских языков, имеются, к примеру, в осетинском языке. И во многих трудах по этногенезу удмуртов, исследованию этнонимов корневое уд- вводят именно к иранскому языковому началу. Древнепермский язык оказал большое влияние на лексику, в том числе и современного чувашского языка, как свидетельство культурного взаимовлияния булгар и прaperмян в весьма отдаленную эпоху, задолго до падения булгарского государства в 1236 году под натиском поздних татаро-монгол [25, с. 99]. Поэтому иранское начало этимона этнонимов уралоязычной общности не ставится под сомнение. Добавим, что понимания Забайкалья тоже располагает финноязычными названиями [16], о наличии которых в свое время упоминал А.Х. Кастрен.

Однако целью нашей статьи является попытка объяснить языковое начало исторического антропонима хори-бурят. Сложность этой задачи заключается в подведении исторической основы под авторскую гипотезу о наличии диахронного урало-алтайского языкового союза, имевшего ареальную распространенность, куда входил и Трансбайкальский или Циркумбайкальский регион. Попутно отметим удивительное сходство бурятских (эхиритских) фамилий с фамилиями чеченцев (и, возможно, осетин и других народов Кавказа), к примеру – Басаев, Мадуев, и т. д., что, конечно же, тоже служит подтверждением авторской версии о неоднозначности языкового происхождения языческих имен хори-бурят, которые, в отличие от эхиритов и булагатов имеют тибет-монгольскую антропонимию с XVII–XVIII вв. Языческими именами бурят являются имена западной группы бурят, в составе которых могут оказаться и имена, «доставшиеся» от весьма далекого исторического прошлого.

Результаты и научная новизна

Полученные предварительные результаты исследования исторических имен Одо / Одой / Отой позволяют отнести эти личные имена к субстратным в именнике хори-бурят. И имена, образованные от этнонимно-экзо-

нимных имен, представляют собой древнейший пласт языческих имен, заслуживая, несомненно, пристального внимания. К примеру, в именнике бурят играют немаловажную роль отпрозвищные имена, которые препродуцируют самоназвание эвенов Өвон [11, с. 25].

Поэтому имена типа Одо / Одой / Отой, выписанные из ревизских описей Государственного архива Забайкальского края, представляют собой несомненный научный интерес. Данные личные имена Одо / Одой / Отой отсутствуют в Хальбинском и Худайском родах хори-бурят, имеются в Зунь-Хоацайском Быркы-Цугольской инородной управы Агинской степной думы и Барунь-Хоацайском Хоринской думы, родах (сводном) Шарантском и Батанайском Кялинской инородной управы кочевых инородцев Агинской степной думы, Зунь-Харганатского рода Цугольской инородной управы Агинской думы, Бодонгутского рода Нерчинского округа, Кубдутского и Саганского родов Агинской думы, как и Галзутского рода. Отметим, что в 1839 году из 11 родов хоринских бурят на основании поданного прошения губернскому начальству от главного тайши Хоринской думы произошло разделение этих родов, что повлекло за собой возникновение Зунь-Хоацайского рода, т.е. Восточно-Хоацайского рода, которые и вошли с Агинскую думу наряду с Зунь-Харганатским. Эти два рода – Хоацайский и Харганатский считались самыми многочисленными по сравнению с другими. Произошло переселение 8 родов из 11 хори-бурят в агинские степи. Обусловлено это явление не только умножением рода и необходимостью деления его на подроды ради улучшения административного управления, но и по причине вытеснения бурят из территорий, земли которых, пригодные для земледелия, в первую очередь, были отведены на поселения для переселенцев из центра российского государства, для строительства железной дороги. Слово Барунь – в именовании рода Барунь-Хоацайский означает Западный, т.е. род, который остался в ведении Хоринской степной думы.

Наличие уралоязычного адстрата прямо связано с тунгусским населением Нерчинского уезда [15]. И, по всей видимости, образ жизни и хозяйствования как сородичей, рыболовов и земледельцев, имеющих стада крупного рогатого скота, а также их антропология дали основание для успешной и последовательной христианизации именно тунгусов Нерчинска. Анализ ревизских сказок тунгусского населения Нерчинского уезда подводит к заключению об «исчезновении» тунгусов и «появлении» русских, приписанных к Нерчинским сереброплавильным заводам. А также немаловажно и то, что значение некоторых генонимов тунгусов Нерчинска обнаруживает явно не тунгусо-маньчжурское начало. Такие генонимы как Кушелюцкий, Абаганатский, Дулигатский, Перводулигатский, Дулигарский [14, с. 123–129], по своему значению соизвестны с такими воршудными именами удмуртов

как Кушья, Эбга, как и названиями тюркоязычных племен эпохи Дулу и Дулга, т.е. «татарских». В отличие от финно-угорского языкоznания чувашские языковеды прямо указывают на связь средневековых народов Центральной Азии с современными народами Поволжья, в первую очередь, чувашей, через племена булгарской общности [20]. Имеются исследования по марииско-монгольским лексическим параллелям [7]. Данный аспект представляется крайне перспективным для каких-то совместных исследований.

Таким образом, сопоставительный анализ значения личного имени Одо хори-бурят с экзоэтнонимом Одо предков современных удмуртов – вотяков или отяков, позволяет определить проблемное поле изучения языческой антропонимии отдельного народа в более широком, евразийском контексте. Посредством исследования ономастических реликтов, каковыми являются языческие имена, возможно разрешить узловые вопросы не только этногенетического характера, но и подтвердить адстратно-субстратные явления региональной ономастики. Также перспективно изучение апеллятивной лексики бурятского (монгольских языков) в сопоставлении с финно-угорскими языками на предмет поисков ответа на вопрос о природе подобного рода соответствий, когда монгольские слова типа өөд ‘последог 1) вверх, выше, к (в значении вверх)’; 2) *нареч.* ‘вверх, кверху’; өөд нь ‘вверх, кверху’; өөд нь болгох ‘повышать, поднимать’; 3) подъем; өөд газар ‘подъем (на местности)’ /монг./, бурятских слов өөдэ *нареч.* ‘вверх, кверху’ соотносятся со значением древнего корня уд- ‘росток; всходы’ (одна из версий этимологии этнонаима удмурт) как самоназвания предков удмуртов, в частности, бесермян [21, с. 108–118] как выходцев с Центральной Азии, от которых сохранились родоплеменные названия Бесүүд и Удуит(ы) в тексте «Сокро-

венного сказания монголов» [23]. Возможно выделить изосемы из значений следующих монгольских и финно-угорских глаголов (өөдлөх /монг./ [Монгол хэлний их тайлбар толь / Большой толковый словарь монгольского языка, 60000 словарных входов / <https://altaica.ru/v-mongol.php>. Дата обращения 20.02.2021 г.; 24], өөдэлхэ /бур./ – ‘укрепляться, поправляться, улучшаться; становиться на ноги; приходить в хорошее состояние’ при сопоставлении с апеллятивами удмуртского языка уд ‘1. росток; всходы; 2. рассада’, ист. этноним *удмуртов* уд ‘название племени’ – роста вверх; приумножения рода; нового человека. Повторимся, что подобное имянаречение представляет собой древнейший принцип имянаречения.

Наши частные результаты изучения исторической антропонимии способны проиллюстрировать следующий известный тезис: «Несомненно, что также до распада финно-угорского языка-основы имели место тесные взаимосвязи с тюркским (разрядка – наша. – Авт.) языками, о чем свидетельствуют общие слова в финно-угорских языках. На основании лексических (а также фонетических и морфологических) совпадений построены теории о родстве финно-угорских языков с индоевропейскими, алтайскими и юкагирским. После распада финно-угорской языковой общности образовывались связи с языками неродственных семей, оставившие свои следы лишь в отдельных ветвях или языках и выразившиеся, прежде всего, во взаимопроникновении лексики» [36, с. 10]. Описание субстратных антропонимов, имеющих адстратное происхождение, связанных с диахронным состоянием этноязыковой общности описываемой территории, представляет несомненную перспективу для исследования урало-алтайского языкового союза в пределах Восточного Забайкалья.

Список литературы

1. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [The dictionary of the linguistic terms]. M.: Izd-vo «Sovetskaya enciklopediya», 1966. 606 s. (In Russ.).
2. Baskakov N.A. Russkie famili tyurkskogo proiskhozhdeniya [Russian surnames of the Turk origin] / Otv. red. E.R. Tenishev. M.: Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 1979. 279 s. (In Russ.).
3. Belyh S. K., Napol'skih V. V. Etnonim udmurt: ischerpaniy li al'ternativy? [Ethnonym Udmurt: are the alternatives exhausted] // Linguistica Uralica. T. 30, №4. Tallinn, 1994. <http://www.udmurt.info/library/belykh/udmetn.htm> (In Russ.).
4. Buryaad-orod slovar' = Buryatsko-russkij slovar' [Buryat-Russian dictionary] / sost. K. M. Cheremisov. M.: Sov. encikl., 1973. 804 s. (In Russ.).
5. Burykin A.A. Inoyazychnaya onomastika russkih dokumentov XVII-XIX vv., otnosyashchihsya k otkrytiyu i osvoeniyu Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii, kak istoricheskij istochnik [Foreign-language onomastics of Russian documents of the XVII-XIX centuries, related to the discovery and development of Siberia and the Russian Far East, as a historical source] – Disser. na soiskanie d-ra istor. n.. SPb, 2011. 476 s. (In Russ.).
6. Bushmakin S.K. Vorshudnye imena-mikroetnonimy udmurтов [Clan names as microethnonyms of the Udmurts] // Etnonimy. M.: Nauka, 1970. 168–176. (In Russ.).
7. Galkin I.S. K voprosu o mongolizmakh v marijskom yazyke [On the question of Mongolisms in the Mari language] // Voprosy grammatiki i leksikologii. – Joshkar-Ola, 1980. S. 119–127. (In Russian).
8. Gumilev L.N. V poiskah vymyslennogo carstva [In Search of a fictional Kingdom] / L. N. Gumilev. – SPb. : Kristall ; M. : ONIKS, 2003. 447 s.
9. Dolgih, B.O. Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII veke [Tribal and clan composition of the peoples of Siberia in the XVII century] / B.O. Dolgih. – M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. – 622 s.
10. Efanova L.G. Kontaminaciya. CHast' 2. Osnovnye raznovidnosti kontaminacii [Contamination. Part 2. The main types of contamination] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2016. №1 (39). S. 5–14. (In Russ.).

11. Zhamsaranova R. G. Evenskie lichnye imena v svode istoricheskogo imennika hori-buryat [Even personal names in the code of the historical names of Khori-Buryat] // Vestnik CHGPU im. I. Ya. Yakovleva. 2020. №4(109). S.20–26. (In Russian).
12. Zhamsaranova R.G. Genonimy tungusov i inorodcev-buryat tyurkskogo yazykovogo proiskhozhdeniya (na materiale revizskih opisej XVIII-XIX vv.) [Genonyms of Tungus and non-native Buryats of Turkic linguistic origin (based on the material of the census of the XVIII-XIX centuries)] // Sibirskij filologicheskij zhurnal. Novosibirsk: NGU, 2011. №1. Nauchnoe izdanie. S. 142–150. (In Russ.).
13. Zhamsaranova Raisa. Onomaconcept as a verbal sign of nomadic Middle-Age conceptual sphere // Proceedings of the Fourth International Conference on Onomastics «Name and Naming». Sacred and Profane in Onomastics, Cluj-Napoca: Editura Mega, Editura Argonaut, 2017, ISSN: 2501-0727. - pp.1127–1140. <http://onomasticafelecan.ro/iconn4/docs/rezumate-ICONN4.pdf> //
14. Zhamsaranova R.G. O genonime tungusov Duligarskij/Duligatskij [About the genonym of the Tungus Duligarsky/Duligatsky Tungus] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova: Vestnik SVFU im. M.K. Ammosova №1 (yanvar'-mart). YAkutsk: IPK SVFU, 2011. S. 123 -129. (In Russian).
15. Zhamsaranova R.G. Tungusy knyazyza Gantimura. V 2. Ch [Tungus of Prince Gantimur. 2 P.] / R.G. Zhamsaranova. Chita: ZabGU, 2018. Ch.1. 251 s. (In Russian).
16. Zhamsaranova R.G. Finno-ugorskij adstrat v toponimii Vostochnogo Zabajkal'ya [Finno-Ugric adstrate in the toponymy of Eastern Transbaikalia] // Fenno-Ugrica 3: Problemy areologii i onomatologii, komparativistiki i kontrastivnoj lingvistiki: trudy nauchno-issled. laboratori fundamental'nyh issledovanij po finno-ugrovedeniyu. Vyp. VII, posvyashch. 80-letiju d-ra filol.n., prof. Lavrent'eva Guriya Ivanovicha. Mar. gos. un-t; sost. i nauch. red. A.N. Kuklin. Joshkar-Ola, 2016. S. 179–190. (In Russ.).
17. Zhamsaranova R.G. Etnonimy i genonimy hori-buryat: lingvo- istoricheskoe issledovanie [Ethnonyms and genonyms of the Khori-Buryats: a linguistic and historical study]. Chita: RIK ChitGU, 2009. 228 s. (In Russ.).
18. Zelencov L.S. Ob izuchenii toponimiki yugo-zapadnoj chasti sverdlovskoj oblasti [On the study of toponymy in the south-western part of the Sverdlovsk region]. Uchenye zapiski UrGU. Vyp. 13. №90. Sverdlovsk, 1970. S. 99–101. (In Russ.).
19. Komi-permyacko-russkij slovar': Ok. 27 000 slov [Komi-Russian dictionary] / R.M. Batalova, A.S. Krivoshchekova-Gantman. M.: Rus. yaz., 1985. 624 s. In-t yazykoznanija AN SSSR, Permskij gosudarstvennyj pedagogicheskij in-t. (In Russ.).
20. Magnickij V.K. Chuvashskie yazycheskie imena [Chuvash pagan names]. Kazan': Tip. Imperator. un-ta, 1905. – 101 s.
21. Maksimov S.A. Samonazvaniya udmurtov i besermyan, ih varianta, nazvaniya sosednih narodov v yazyke udmurtov i besermyan [Self-names of Udmurts and Besermyans, their variants, names of neighboring peoples in the language of Udmurts and Besermyans] // Linguistica Uralica. XLIV. 2008. №2. S. 108–118. (In Russ.).
22. Mitroshkina A.G. Slovar' buryatskikh lichnyh imen [Dictionary of Buryat personal Names] / nauch. red. G.S. Dorzhieva. – Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. 200 s. (In Russ.).
23. Mongolojnyuusa tobsho. Sokrovennoe skazanie mongolov [The Secret Legend of the Mongols] / Ch.-R. Namzhilovaj orshuulga. Per. S. Kozina. – Ulan-Ude: Buryaadaj nomoj heblel, 1990. 318 s. (In Russ.).
24. Mongol'sko-russkij slovar' Mongol-Oros toli: Ok. 22000 slov [Mongolian-Russian dictionary] / pod obshchej red. A. Luvsandendeva. M.: Gosudarstvennoe izd-vo inostr. i nac-yh slovarej, 1957. 715 s. (In Russ.).
25. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Marijskij, permskie i ugorskie yazyki [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Mari, Permian, and Ugric languages]. M.: Nauka, 1976. 463 s. (In Russ.).
26. Russko-komi-permyackij slovar' [Russian-Komi-Permian dictionary] / P.S. Kuznecova, A.M. Sporova. Kudymkar: Komipermgiz, 1946. 387 s. (In Russ.).
27. Russko-Udmurtskij perevodchik onlajn [Russian-Udmurt translator online] <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar/perevodzik.php?search=%EA%EE%F0%E5%ED%FC>. (In Russ.).
28. Russko-udmurtskij slovar' [Russian-Udmurt dictionary] / Udmurtskij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, yazyka, literatury i fol'klora ; pod redakcijej A. Butolina. Izhevsk: Udgiz, 1942. XVIII, 408 s. <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/27141>. (In Russ.).
29. Safronov F.G. Dohristianskie lichnye imena narodov Severo-Vostoka Sibiri (istoriko-etnograficheskij obzor i imennik) [Pre-Christian personal names of the peoples of the North-East of Siberia (historical and ethnographic review and namebook)]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 199 s. (In Russ.).
30. Semenova V.I. Lichnye imena ekhiritskikh buryat: monografiya [Personal names of the Ekhirite Buryats]. Irkutsk: Irkut. un-t, 2005. 190 s. (In Russ.).
31. Teplyashina T.I. Besermyanskie semejno-rodovye imena [Besermyan family and clan names] // Onomastika Povolzh'ya: materialy II povolzhskoj konferencii po onomastike. Gor'kij, 1971. S. 69–81. (In Russ.).
32. Teplyashina T.I. Yazyk besermyan [The Besermyan language]. M.: Nauka, 1970. 288 s. (In Russ.).
33. Chuvash anthroponymicon of the XVIII century: a different cultural reality [Chuvash anthroponymicon of the XVIII century: a different cultural reality] / E. V. Fomin, A. M. Ivanova. Cheboksary: Chuvash Publishing House. Un-ta, 2020. 140 p. (In Russ.).
34. Chernyh S. Ya. Slovar' marijskikh lichnyh imen. Ok. 16120 imen. Marij eñ lym-vlak muter [Dictionary of Mari Personal Names] / Joshkar-Ola, MarGU, 1995. 626 s. (In Russ.).

35. Cherny S.Ya. Marijskaya antroponiya: istoki formirovaniya i puti razvitiya. Nauchnyj doklad, predstavlennyj v kachestve dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk [Mari anthroponomy: origins of formation and ways of development. Scientific report submitted as a dissertation for the degree of Doctor of Philology]. Joshkar-Ola, 1996. 63 s. (In Russ.).

36. Yazyki narodov SSSR. Finno-ugorskie i samodijskie yazyki. V V. T.III [Languages of the peoples of the USSR. Finno-Ugric and Samoyedic languages]. M.: Nauka, 1966. 464 s. (In Russ.).

37. Castren, Alexander. Nordische reisen and forschungen von Dr. M. A. Castren. – St.-Petersburg, 1855.

38. Christopher Atwood. Mongolian system for Tibetan Transcription https://www.academia.edu/4767912/Searchable_list_of_Mongolian_versions_of_Tibetan_names

References

1. Akhmanova, O. S. (1966). Slovar' lingvisticheskikh terminov., 606. M.: Izd-vo "Sovetskaia entsiklopediia".
2. Baskakov, N. A., & Tenishev, E. R. (1979). Russkie familii tiurkskogo proiskhozhdeniya., 279. M.: Nauka. Gl. red. vost. lit-ry.
3. Belykh, S. K., & Napol'skikh, V. V. (1994). Etnonim udmurt: ischerpany li al'ternativy?. Linguistica uralica, T. 30, 4. Retrieved from <http://www.udmurt.info/library/belykh/udmetn.htm>
4. Cheremisov, K. M. (1973). Buriaad-orod slovar' = Buriatsko-russkii slovar', 804. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
5. Burykin, A. A. (2011). Inoiazychnaia onomastika russkikh dokumentov XVII-XIX vv., otносившися к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник., 476. SPb.
6. Bushmakin, S. K. (1970). Vorshudnye imena-mikroetnonimy udmurtov. Etnonimy, 168-176. M.: Nauka.
7. Galkin, I. S. (1980). K voprosu o mongolizmakh v mariiskom iazyke. Voprosy grammatiki i leksikologii, 119-127. Ioshkar-Ola.
8. Gumilev, L. N. (2003). V poiskakh vymyshlennogo tsarstva., 447. SPb.: Kristall; M.: Oniks.
9. Dolgikh, B. O. (1960). Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke., 622. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR.
10. Efanova, L. G. (2016). Kontaminatsiya. Chast' 2: Osnovnye raznovidnosti kontaminatsii. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya, 1 (39), 5-14.
11. Zhamsaranova, R. G. (2020). Evenskie lichnye imena v svode istoricheskogo imennika khori-buriat. Vestnik ChGPU im. I.Ia. Iakovleva, 4 (109), 20-26.
12. Zhamsaranova, R. G. (2011). Genonimy tungusov i inorodtsev-buriat tiurkskogo iazykovogo proiskhozhdeniya (na materiale revizskikh opisei XVIII-XIX vv.). Sibirskii filologicheskii zhurnal, 1, 142-150.
13. Zhamsaranova, R. (2017). Onomaconcept as a verbal sign of nomadic Middle-Age conceptual sphere. Proceedings of the Fourth International Conference on Onomastics "Name and Naming". SACRED and Profane in Onomastics, Cluj-Napoca: Editura Mega, ISSN: 2501-0727, 0727. Editura Argonaut,. Retrieved from URL: <http://onomasticafelecan.ro/iconn4/docs/rezumate-iconn4.pdf>
14. Zhamsaranova, R. G. (2011). O genonime tungusov Duligarskii. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova, 1 (ianvar',), 123-129.
15. Zhamsaranova, R. G. (2018). Tungusy kniazia Gantimura., 251. Chita: ZabGU.
16. Zhamsaranova, R. G. (2016). Finno-ugorskii adstrat v toponimii Vostochnogo Zabaikal'ia. Fennougrica 3: Problemy areologii i onomatologii, komparativistiki i kontrastivnoi lingvistiki: trudy nauchno-issled. laboratori fundamental'nykh issledovanii po finno-ugrovedeniiu. Vyp. VII, posviashch. 80-letiiu d-ra filol. nauk, prof. Lavrent'eva Guriia Ivano, t; sost. i nauch. red., , 179-190. Ioshkar-Ola.
17. Zhamsaranova, R. G. (2009). Etnonimy i genonimy khori-buriat., 228. Chita: RIK ChitGU.
18. Zelentsov, L. S. (1970). Ob izuchenii toponomiki iugo-zapadnoi chasti Sverdlovskoi oblasti. Uchenye zapiski UrGU, Vyp. 13, 90, 99-101.
19. Batalova, R. M., & Krivoshchekova-Gantman, A. S. (1985). Komi-permiatsko-russkii slovar' (ok. 27 000 slov),, 624. M.: Russkii iazyk.
20. Magnitskii, V. K. (1905). Chuvashskie iazycheskie imena., 101. Kazan': Tip. Imperator. un-ta.
21. Maksimov, S. A. (2008). Samonazvaniia udmurtov i besermian, ikh variandy, nazvaniia sosednikh narodov v iazyke udmurtov i besermian. Linguistica Uralica, XLIV, 2, 108-118.
22. Dorzhieva, G. S., & Mitroshkina, A. G. slovar' buriatskikh lichnykh imen., 200.
23. Kozina, S. (1990). Mongoloi niuusa tobsho. Sokrovennoe skazanie mongolov., 318. Ulan-Ude: Buriaadai nomoi kheblel.
24. Luvsandendeva, A. (1957). Mongol'sko-russkii slovar'. Mongol-Oros toli (ok. 22000 slov),, 715. M.: Gosudarstvennoe izd-vo inostr. i nats-ykh slovarei.
25. (1976). Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniiia. Mariiskii, permskie i ugorskie iazyki. M.: Nauka.
26. Kuznetsova, P. S., & Sporova, A. M. (1946). Russko-komi-permiatskii slovar',, 387. Kudymkar: Komipermgiz.
27. Russko-udmurtskii perevodchik onlain. Retrieved from <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar/perevodzik.php?search=%ea%ee%0%e5%ed%fc>
28. (1942). Russko-udmurtskii slovar'. XVIII., 408. Izhevsk: Udgiz. Retrieved from <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/27141>
29. Safronov, F. G. (1985). Dokhristianskie lichnye imena narodov Severo-Vostoka Sibiri (istoriko-ethnograficheskii obzor i imennik),, 199. Iakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo.

30. Semenova, V. I. (2005). Lichnye imena ekhiritskikh buriat., 190. Irkutsk: Irkut. un-t.
31. Tepliashina, T. I. (1971). Besermianskie semeino-rodovye imena. Onomastika Povolzh'ia, 69-81. Gor'kii.
32. Tepliashina, T. I. (1970). Iazyk besermian., 288. M.: Nauka.
33. Fomin, E. V., & Ivanova, A. M. (2020). Chuvashskii antroponomikon XVIII veka: inaia kul'turnaia real'nost',, 140. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta.
34. Chernykh, S. Ia. (1995). Slovar' mariiskikh lichnykh imen (ok. 16120 imen). Marii eng lum-vlak muter., 626. MarGU.
35. Chernykh, S. Ia. (1996). Mariiskaia antroponomiia: istoki formirovaniia i puti razvitiia., 63. Ioshkar-Ola.
36. (1966). Iazyki narodov SSSR. Finno-ugorskie i samodiiskie iazyki., 464. M.: Nauka.
37. Sastren, M. A. Castren Alexander. Nordische reisen and forschungen von Dr.. ST.-PETERSBURG, 1855.
38. Christopher Atwood. Mongolian system for Tibetan Transcription. Retrieved from URL: https://www.academia.edu/4767912/searchable_list_of_mongolian_versions_of_tibetan_names

Информация об авторе

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», Чита, Российская Федерация.

Information about the author

Raisa G. Zhamsaranova – doctor of philological sciences, professor of FSBEI of HE "Zabaykalsky State University", Chita, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 03.05.2021

Принята к публикации / Accepted 02.06.2021

Опубликована / Published 26.06.2021